

ОБЩЕСТВО. НАУКА.
ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 304[510+(470+571)]+327
DOI 10.20339/AM.10-25.094

Оуян Сянъин,
профессор
Университет Китайской академии общественных наук;
главный научный сотрудник
Института мировой экономики и политики и
Национального института глобальных стратегий
Китайская академия общественных наук
e-mail: ouxymail@126.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУР КИТАЯ И РОССИИ И ВЫБОР ПУТИ РАЗВИТИЯ С ПОЗИЦИИ ВСЕСТОРОННЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И КООРДИНАЦИИ В НОВУЮ ЭПОХУ

Китайская цивилизация, являющаяся первоисточником и ключевым субъектом конфуцианского культурного ареала, на протяжении тысячелетий осуществляет собственное воспроизводство посредством обращения к каноническим текстам, среди которых особое место занимает трактат «Чжоуи». Последний, будучи фундаментальным сочинением классической китайской традиции, включает комплекс философских и методологических положений, ориентирующих общественную практику на искусное поддержание динамического равновесия между такими, порой полярными, категориями, как баланс и гармония, изменчивость и адаптивность, прогнозирование и принятие решений, кооперация и конкуренция, мораль и социальная ответственность, предполагая при этом системный и интегральный подходы к восприятию реальности и управлению ею. Русская культура, формировавшаяся на славянском историко-культурном субстрате и испытывавшая на протяжении своей истории воздействие византийской православной традиции, монгольского наследия и западноевропейских культурных образцов, приобрела специфические аксиологические ориентиры и мировоззренческие установки. Среди них на передний план выступают экзистенциальная рефлексия по отношению к смыслообразующим вопросам бытия, этический идеализм, гипертрофированное чувство личной ответственности и глубоко укорененный трагизм мировосприятия, определяющие устойчивую тягу к утопическим поискам и проектам в национальной культуре. После распада Советского Союза для российской культурной среды характерна возрастающая тенденция к полицентричности и плюралистичности культурных форм. Сравнительный анализ показывает, что китайская цивилизация демонстрирует устойчивость и сохраняет внутренний динамизм за счет непрерывной интеграции и синтеза разнообразных культурных воздействий. И напротив, русская культура отличается высокой адаптивностью, проявляющейся в избирательном усвоении и ассимиляции внешних культурных элементов. Продолжительная историческая эволюция и традиционализм задают преимущественно постепенный и последовательный характер культурных трансформаций в китайском обществе, тогда как для России типичны выраженные разрывы преемственности, прерывистость и скачкообразность культурного развития. Несмотря на то, что современный Китай и Россия выступают в качестве всесторонних стратегических партнеров с координационным механизмом сотрудничества, национальная культурная специфика и психологические установки обусловили расхождение пройденных исторических траекторий и различие применяемых моделей развития. По сравнению с двусторонним форматом сотрудничество на многосторонних платформах, таких как Шанхайская организация сотрудничества и объединение БРИКС, обладающие более выраженным потенциалом инклюзивности, позволяет полагать, что в условиях новой эпохи пространственные рамки и глубина российско-китайского всестороннего стратегического взаимодействия нуждаются в дальнейшем расширении и углублении.

Ключевые слова: конфуцианская культура, славянская культура, культурная плюралистичность, траектория развития.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN CULTURES AND CHOOSING A PATH OF DEVELOPMENT BASED ON COMPREHENSIVE STRATEGIC PARTNERSHIP AND COORDINATION IN A NEW ERA

Ouyang Xiangying, Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Research Fellow at the Institute of World Economics and Politics & at the National Institute for Global Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, e-mail: ouxymail@126.com

The Chinese civilization, constituting both the original source and the principal subject of the Confucian cultural sphere, has perpetuated itself over millennia through continuous recourse to canonical texts, among which the treatise "Zhouyi" occupies an exceptionally prominent position. The latter, as a foundational work within the classical Chinese tradition, encompasses a comprehensive array of philosophical and methodological postulates designed to orient social praxis towards the sophisticated preservation of a dynamic equilibrium between such polar categories as balance and harmony, variability

and adaptability, forecasting and decision-making, cooperation and competition, morality and social responsibility, thereby advocating systemic and integrative approaches to the apprehension and governance of reality. The Russian culture, emerging upon a Slavic historical and cultural substrate, and throughout the course of its historical development experiencing the formative influence of the Byzantine Orthodox tradition, the Mongol heritage, and Western European cultural paradigms, has acquired distinctive axiological orientations and philosophical predispositions. Among these, existential reflection upon the fundamental questions of being, ethical idealism, a hypertrophied sense of personal accountability, and a deeply ingrained tragic perception of existence prominently stand forth, collectively determining a consistent inclination towards utopian aspirations and projects within the national cultural tradition. Following the dissolution of the Soviet Union, an increasing tendency towards polycentrism and pluralism in cultural expressions has characterized the Russian cultural milieu. Conversely, Chinese civilization consistently demonstrates resilience and preserves its inherent dynamism through the continuous integration and synthesis of diverse cultural influences. On the other hand, Russian culture is distinguished by its high degree of adaptability, manifesting itself in the selective assimilation and incorporation of external cultural elements. The prolonged historical evolution and ingrained traditionalism predominantly dictate the gradual and sequential nature of cultural transformations within Chinese society, whereas Russian cultural development is typified by pronounced disruptions in continuity, discontinuities, and abrupt, transformative shifts. Despite the contemporary status of China and Russia as comprehensive strategic partners with established coordination mechanisms for cooperation, distinctive national cultural characteristics and psychological predispositions have determined divergences in their historical trajectories and developmental models employed. In comparison with the bilateral format, multilateral platforms such as the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS association possess a notably greater potential for inclusivity, thereby providing grounds to assert that, in the context of the new epoch, the spatial dimensions and substantive depth of Sino-Russian comprehensive strategic interaction necessitate further expansion and intensification.

Keywords: Confucian culture, Slavic culture, cultural pluralism, developmental trajectory

Введение

Россия и Китай занимают на Евразийском континенте территории соответственно первой и третьей величины, располагаются по численности населения на девятом и втором местах и являются многонациональными государствами. Обе страны обладают древней историей и большой культурой, внесли выдающийся вклад в мировую цивилизацию и прогресс. Китай, являясь одним из четырех древнейших культурных центров и единственным непрерывно сохранившим свою цивилизацию до наших дней, обладает ясным пониманием собственных сущностных вопросов — «кто мы» и «как быть»; тогда как российская культура, берущая корни в средневековой традиции, сформировалась относительно позднее и испытывала глубокое влияние религии. Даже символ двуглавого орла, повернутого на запад и восток, как самоопределение русской нации, свидетельствует о разделении российского общества в вопросах самоидентификации и перспектив развития. В новейшее время обе страны избрали социалистический путь, однако в ходе исторического развития их пути разошлись и реализовались в различных моделях. После распада СССР Россия повернулась к капитализму, однако стирание исторических следов оказалось невозможным, и страна до сих пор переживает «постсоветский синдром». Китай, напротив, в процессе реформ и открытости неустанно продвигался вперед, совершенствовал теоретическую систему социализма с китайской спецификой и посредством практики китайской модернизации продолжает выполнять свою историческую миссию.

Культура Китая и ее духовные устремления

Китай представляет собой одну из ведущих восточно-азиатских держав с самобытной культурой и выступает перво-

источником и центральным субъектом конфуцианского культурного ареала. Конфуцианство, будучи одной из фундаментальных интеллектуальных систем древнего Китая, базируется на принципах гуманности (жэнь), справедливости (и), ритуальной благопристойности (ли), мудрости (чжи) и верности (синь), что предполагает благожелательность к ближнему, надлежащее моральное поведение, почтительное отношение к окружающим, глубокое интеллектуальное проникновение в сущность вещей и строгое выполнение обязательств. Конфуцианский идеал личности воплощен в фигуре «благородного мужа» (цзюньцзы) — человека, обладающего перечисленными добродетелями, высокой нравственностью, эрудицией и великодушием.

Конфуцианская модель социальных отношений, отраженная в формуле «государь — подданный, отец — сын», выражает принцип гомологичности структур личности, семьи и государства. В идеальном представлении конфуцианцев общество имеет концентрическое строение из трех взаимосвязанных кругов, в центре которого располагается «благородный муж», а характер отношений между членами сообщества регулируется принципом «срединного пути» (чжуньюн), предполагающего избегание крайностей и стремление к гармоничной сбалансированности. Указанные положения формируют ядро конфуцианской философии, оказывая глубокое влияние не только на древнекитайский социум, но и на менталитет китайского народа в целом, выступая своего рода нормативным кодексом общественного поведения.

Несмотря на доминирующее положение конфуцианства, китайская культура исторически отличалась внутренним многообразием за счет параллельного существования буддизма, даосизма и иных школ, среди которых моизм, легизм, школа логики, дипломатов, эклектиков, аграриев и натурфилософов. Конфуцианство и даосизм имеют

автохтонные китайские корни, в то время как буддизм, будучи внешним по происхождению учением, в процессе адаптации породил ряд национально-специфических школ, таких как школа природы (Син-цзун), школа феноменов (Сян-цзун), школа платформы (Тай-цзун), школа мудрых (Сянь-шоу-цзун), школа чань, школа чистой земли (Цзинту-цзун), школа монашеской дисциплины (Люй-цзун) и тантрическая школа (Ми-цзун).

В период Вэй-Цзинь, а также Южных и Северных династий, был инициирован процесс синтеза конфуцианской, буддийской и даосской традиций, достигший своего апогея во времена династий Суй и Тан. Выдающиеся конфуцианские мыслители, в числе которых Хань Юй и Лю Цзунъюань, глубоко изучали философские и духовные основы буддизма и даосизма, стремясь к их интеграции с конфуцианскими установками. В результате подобного культурного синтеза три указанные мировоззренческие системы достигли определенной степени взаимного дополнения и обогащения, сформировав уникальный интеллектуальный комплекс. Подобная восточная культурная традиция отличается высокой степенью содержательной насыщенности и динамичности, однако для западной культурной парадигмы она традиционно воспринимается как таинственная и труднодоступная для рационального осмысления.

Далее на примере трактата «И цзин» кратко представлены происхождение и глубина китайской культуры.

Трактат «Чжоуи» относится к числу конфуцианских канонических текстов, а специализированная дисциплина изучения этого произведения получила название «И цзин сюэ». Сформировавшись как самостоятельная область знания в эпоху Хань, когда официальная идеология направляла государственную политику на возвеличивание конфуцианства, учение об «И цзин» заняло ведущее место среди пяти канонических текстов, подлежащих обязательному изучению претендентами на чиновничьи должности. В последующие эпохи изучение трактата неизменно рассматривалось как фундаментальная составляющая образования и было включено в перечень текстов для государственных экзаменов. В стремлении многочисленных ученых-литераторов постичь глубинную сущность «И цзин», при широкой поддержке как официальных кругов, так и народных масс, возникли условия для интенсивного развития этой дисциплины. На протяжении более двух тысячелетий ее существования происходило непрерывное накопление знаний, а также совершенствование и усложнение концептуального

аппарата, что в итоге привело к формированию целостной и комплексной теоретической системы, оказавшей фундаментальное влияние на древнекитайскую философию, этику, искусство, религиозные воззрения и культурную практику в целом.

Хотя институционализация науки об «И цзин» приходится на эпоху Хань, исследование самого текста «Чжоуи» активно велось и в предшествующий период. Конфуций подчеркивал, что целью изучения «И цзин» является не гадательная практика, а нравственное самосовершенствование личности, возвышение духовного уровня и предотвращение ошибочных действий. Эта концептуальная позиция была последовательно воспринята последующими поколениями конфуцианцев. В частности, выдающийся мыслитель Сюнь-цзы писал: «Трактат “И”, находясь в соответствии с Небом и Землей, постигает закономерности космоса; устремляя взор вверх, он исследует небесные явления, обращая взгляд вниз – постигает земные формы. Благодаря этому ему доступно понимание причин явного и скрытого; он обращается к началам и возвращается к конечным пределам, постигая тем самым смысл жизни и смерти. Тончайшие сущности формируют вещи, а блуждающие духи выражают изменчивость; в силу этого и становится возможным проникновение в духовные состояния»¹. Представление о тождественности пути «Чжоуи» и космического Дао, посредством которого обретается способность различать светлое и темное, жизнь и смерть, небесные и земные сущности, является фундаментальным положением конфуцианского мировоззрения. В последующие эпохи выдающиеся ученые-конфуцианцы всё теснее связывали абстрактные философские положения трактата с реальной человеческой практикой, стремясь к их реализации в повседневной жизнедеятельности общества ради блага народа.

Даосская традиция также вела активное исследование трактата «И цзин», однако в ее интерпретации центральное место занимала теория инь и ян. Так, согласно Лао-цзы: «Дао порождает единое, единое – двоицу, двоица – троицу, а троица порождает все вещи. Все существа несут в себе инь и облекаются ян; соединяя эти энергии, они достигают состояния гармонии»². Чжуан-цзы и представители школы Хуан-лао продолжили его взгляды. В свою очередь, теория инь-ян нашла дальнейшее развитие в школе Пяти элементов (У-син), наиболее выдающимся представителем которой стал Цзоу Янь.

¹ Чжоуи. Современные комментарии и перевод / под ред. Ван Юньву. Нань Хуайцзинь и Сюй Циньтин (перевод и коммент.). Гуйянь: Издательство Гуйжоуского народа, 2020. С. 413.
Zhouyi. Modern comments and translation. Wang Yunwu (ed). Nan Huaijin and Xu Qingting (translation and commentary). Guiyan: Guizhou People's Publishing House, 2020. P. 413.

² Ло Чжилин. Лао-цзы. Современные комментарии и новые объяснения. Чэнду: Издательство Башу, 2021. С. 157.
Luo, Zhiling. Lao Tzu: Modern Commentaries and New Explanations. Chengdu: Bashu Publishing House, 2021. P. 157.

В эпоху Восточной Хань школа Хуан-лао достигла значительного прогресса в области толкования «И цзин». В частности, Вэй Боян создал сочинение «И цзин саньтун ци», в котором он непосредственно связал концепцию гексаграмм (ци-гуа) с практикой даосской алхимии: при изготовлении эликсира бессмертия взаимодействие инь и ян является необходимым условием, а фазы Луны прямо влияют на интенсивность огня. Язык произведений Вэй Бояна отличался архаичной выразительностью и глубоким мистическим осмыслением аналогий между человеческим телом и космическим порядком.

В эпоху Вэй-Цзинь наука о «И цзин» была интегрирована в контекст «учения о сокровенном» (сюаньсюэ), где особенно выдающиеся достижения связаны с именем философа Ван Би. Его трактовка возвышала принцип «небытия» (у), проповедовала естественность (цзы-жань) и недеяние (у-вэй), предполагая, что «государь, занимая возвышенное положение и придерживаясь умеренности, должен управлять людьми твердо, но в строгом соответствии с ритуалом, решительно и доверительно опираясь на способных. Тогда мудрые смогут реализовать свои замыслы, а одаренные проявят свои способности, вследствие чего все процессы будут протекать естественно и гармонично»³. Такая концептуальная установка отражала политическую философию аристократии того времени, однако Ван Би, являясь провозвестником новой интеллектуальной парадигмы, активно пропагандировал идеи спокойствия и естественного порядка вещей. Под влиянием его учения большинство мыслителей периода Вэй-Цзинь стремились к отвлеченным истинам, освобождались от буквального прочтения канонических текстов, погружались в глубинный смысл философских категорий, что стало возможным благодаря наступлению уникальной эпохи интеллектуальной свободы в истории феодального Китая.

В период Южных и Северных династий вследствие широкого распространения буддийской философии возникла устойчивая тенденция к интеграции учения «И цзин» с буддийскими доктринами. Чжоу Хунчжэн в своих толкованиях последовательности гексаграмм активно использовал терминологию буддийских канонов и классифицировал 64 гексаграммы по системе «шести врат», уделяя равное внимание как вопросам человеческой деятельности, так и закономерностям космического порядка. В эпоху Тан конфуцианство, буддизм и даосизм существовали параллельно и конкурировали между собой, предлагая альтернативные интерпретации «И цзин», что способствовало интенсивному взаимодействию и синтезу философских концепций.

С наступлением эпохи Северной Сун наука об «И цзин» перешла на качественно новый этап развития. Появление неоконфуцианства в раннесунский период способствовало расцвету интерпретаций канона с позиций конфуцианской философии. Ученые сунского периода акцентировали внимание на раскрытии принципов (и-ли), уделяя значительно меньшее значение филологическому анализу текста. Представители различных сунских направлений также подчеркивали важность философских аспектов, содержащихся в самом каноне и комментариях к нему. В начале династии Сун даосский мастер Чэнь Туань осуществлял толкование «И цзин» в контексте даосской алхимии, активно применяя символику триграмм и числовые соотношения инь и ян для объяснения внутренней алхимической практики и достижения состояния бессмертия. Лю Му развил числовую теорию «Хэло», сформулировав модель мироздания, однако такие мыслители, как Ли Цзин и Оуян Сю, подвергли ее критике. Последние отстаивали прикладной подход, настаивали на практической значимости «И цзин», осуждая пустые размышления о судьбе и небесных закономерностях, дистанцируясь от буддизма и даосизма и воспринимая «И цзин» прежде всего как учение о динамике социальных процессов и принципах государственного управления, что отражало характерную для конфуцианства ориентацию на общественную практику.

Чжоу Дуньи, хотя и опирался на традицию Чэнь Туаня, разработал собственное учение о «чистой искренности», предложив методологию нравственного самосовершенствования, конечной целью которого являлось достижение состояния святости. Он считал конфуцианские добродетели «человечность, справедливость, беспристрастность и срединность» наивысшим моральным стандартом, одновременно создав целостную космогоническую модель развития Вселенной: от Беспредельного (Уцзи) к Великому пределу (Тайцзи), затем через энергии инь и ян к пяти элементам и множеству вещей и существ. Один из «пяти великих мудрецов» Северной Сун, Шао Юн, также оставил значительный след в науке о «И цзин». Чэн Хао дал ему высокую оценку, говоря: «Шао Юн был человеком с высокими амбициями и возвышенными целями; он верил в возможность достижения совершенства, присущего древним правителям. С возрастом его учение становилось всё глубже, нравственные устои — крепче; он изучал тончайшие закономерности небесных движений, внимательно отслеживал перемены инь и ян и, проникнув в суть изменений вещей, достиг состояния внутреннего умиротворения»⁴.

³ (Вэй) Ван Би. «Чжоуи чжэньи», (Цзинь) Хань Канбо (комментатор), (Тан) Кун Иньда (объяснитель), Чжэн Тун (подготовитель текста). Пекин: Издательство Дзючжоу, 2020. С. 117.

(Wei) Wang, Bi. "Zhouyi zhengyi", (Jin) Han, Kangbo (commentator), (Tang) Kong, Yinda (explainer), Zheng, Tong (text editor). Beijing: Juzhou Publishing House, 2020. P. 117.

⁴ Чэн Хао. Эпитафия господина Шао Яофу // Шао Юна и Шао Шифу. Внутренние и внешние главы о созерцании вещей. Хэфэй; Издательство Хуаншань, 2022. С. 181. Cheng, Hao. Epitaph of Lord Shao Yaofu // Shao Yuna and Shao Shifu. Inner and Outer Chapters on the Contemplation of Things. Hefei; Huangshan Publishing House, 2022. P. 181.

Шао Юн стремился к прикладному осмыслению «И цзин», делая акцент на «науке образов и чисел» (сяншу), и разработал систему философских представлений, включавших модели космического движения и перемен, применяя их для прогнозирования будущих событий, что в свое время воспринималось как глубокое новаторство. Философский подход Шао Юна включал как принцип «разделения единого на два», объясняющий генезис Вселенной, так и принцип «чередования и цикличности инь и ян» для анализа универсальных закономерностей мироздания. Важнейшей его идеей была концепция «созерцания сущности вещей». Он писал: «Радости созерцания вещей неисчерпаемы; даже если жизнь и смерть, слава и бесчестье мелькают перед глазами, они не проникают в сердце — это не отличается от того, как времена года, ветер, цветы, снег и луна мимо ходят перед взором. Истинен тот, кто способен смотреть на вещи как они есть, не причиняя вреда ни себе, ни им. В этом заключается то, что все эмоциональные проявления просто забыты»⁵. Подобная отстраненная жизненная позиция, хотя и несет в себе даосский оттенок отказа от мирской суеты, отчетливо демонстрирует рационалистическую направленность и служит нравственным напоминанием для тех, кто увлечен чувственными удовольствиями.

Братья Чэн (Чэн Хао и Чэн И) исследовали «И цзин» сквозь призму соответствия человека и небесного порядка, утверждая, что «величие человека состоит в гармонизации собственной добродетели с Небом и Землей». Согласно их трактовке, текст «И» создан мудрецами древности и основывается на принципах, сообразных с универсальными законами мироустройства. В своих исследованиях братья Чэн особо выделяли такие диалектические пары, как сущность и проявление, инь и ян, движение и покой, разум и желания. Они призывали к отказу от личных интересов и суетных стремлений, в том числе даже от добродетели верного слуги или сыновнего почитания ради славы, полагая, что только при исполнении долга в отношениях «правитель — подданный» и «отец — сын» возможно естественное упорядочение вещей и воплощение этических принципов в социальной практике. Согласно предлагаемой ими методике самосовершенствования, человеку следует избегать крайностей — не совершать ни слишком многого, ни слишком малого, придерживаться меры и тем самым приближаться к естественной гармонии. Чжан Цзай, в свою очередь, интерпретировал божественное начало как движущую силу мировых процессов, а основную функцию гекса-

грамм видел в наставлении человека поступать согласно небесному провидению. Он настаивал, что гадание должно использоваться не для связи с духами, а для наблюдения и постижения процессов изменения мироздания. В понимании Чжан Цзая «И» представляет собой космический путь (небесное Дао), выражающий закономерности перемен инь и ян. Отталкиваясь от принципа взаимного превращения инь и ян, он предложил объяснение генезиса мира и выявил источник движения материальных сущностей. Вместе с тем Чжан подчеркивал, что, хотя путь «И» является космическим по своей природе, его смысл всегда возвращается к практическим человеческим делам. Согласно конфуцианской традиции, высшим духовным достижением является состояние «сохранения духа и следования за переменами», означающее, что человек при жизни полностью выполняет свой моральный долг, а после смерти обретает абсолютный покой, не отягощенный мыслями о жизни и смерти, что демонстрирует открытый и рациональный подход к существованию.

В эпоху Южной Сун школа братьев Чэн стала основной линией развития науки о «И цзин». Чжу Си, продолжая и переосмысляя наследие школы Чэн, систематически анализировал идеи таких мыслителей, как Чжоу Дуньши, Шао Юн, Чжан Цзай и Чжу Чжэнь, и сформировал грандиозную философскую систему толкования «И». Заимствуя идеи Оуян Сю, он признавал гадательное предназначение «И цзин», однако особо подчеркивал необходимость четкого различения канонического текста и позднейших комментариев, избегая произвольных трактовок, что стало его важнейшим методологическим вкладом. Чжу Си утверждал, что хотя гадательный аспект книги «И» значим, он представляет собой лишь «пустой каркас», не описывающий конкретных явлений, а выражающий фундаментальные принципы бытия. Согласно его воззрениям, «принцип» (ли) предшествует феноменам и проявляется через них, находясь в отношениях взаимной обусловленности. Чжу Си формулировал это следующим образом: «“И” есть не что иное, как единство инь и ян», подчеркивая, что это единство включает как энергетическую субстанцию (ци), так и разумный принцип (ли). Касательно трактовки гексаграмм он отмечал: «Мудрецы вложили в тексты множество определений, посредством которых раскрываются принципы всего сущего. Поскольку все явления не выходят за рамки взаимодействия инь и ян, именно через постижение этих двух начал открывается доступ к познанию мира»⁶. Фило-

⁵ Шао Юн. Предисловие к сборнику «Ичуань цзижан» // Китайские знаменитые сочинения, переданные из поколения в поколение. сборник Сунской династии (нижняя часть) / под ред. Жэнь Цзиюй, (Сун) Люй Цзюцзянь (составитель). Чанчун: Издательство Цзилунского народа, 1998. С. 785.

Shao, Yong. Preface to the collection "Ichuan jizhan" // Chinese famous works passed down from generation to generation. collection of the Song Dynasty (lower part) / edited by Ren Jiyu, (Song) Lü Zuqian (compiler). Changchun: Jilin People's Publishing House, 1998. P. 785.

⁶ (Сун) Ли Цзиньдэ (сост.). Говорения Чжу Цзы (Т. 3). Цзинань: Издательство Шаньдунской дружбы, 1993. С. 1489. (Song) Li Jinde (comp.). Talkings of Zhu Zi (Vol. 3). Jinan: Shandong Friendship Publishing House, 1993. P. 1489.

софский принцип (ли) предшествовал появлению конкретных вещей и явлений, однако в каждом отдельном явлении он проявляется по-разному. Вместе с тем каждое частное явление содержит в себе целостный универсальный принцип мироздания. Согласно этому представлению, принципы пяти элементов, будучи заложенными в природе человека, реализуются в форме конфуцианских добродетелей — гуманности (жэнь), справедливости (и), ритуала (ли) и мудрости (чжи). В частности, принцип гуманности воспринимается как «высший предел» (тайцзи) человеческого сердца, который в состоянии покоя тождественен природе (син), а при проявлении — эмоциям и чувствам (цин). При этом любые проявления всегда подчинены изначальному принципу. Чжу Си особо возвышал значение «покоя Великого предела» и в нравственной практике уделял первостепенное внимание внутреннему покою, считая, что до момента проявления чувств следует полностью постичь и бережно сохранить в себе изначальный принцип. Однако чрезмерная абсолютизация такой позиции приводила к догматизации принципов, закреплению конфуцианских канонов «трех устоев и пяти постоянств», а также к формированию тенденций к метафизической схоластике. В учении Ван Янмина (Ван Шоужэня) интерпретация «И цзин» приобрела характер субъективно-идеалистической философии. Согласно его воззрениям, человеческое сердце тождественно «И», а последнее идентично универсальному космическому принципу (тянь-ли). Вселенная, таким образом, рассматривалась как проекция индивидуального сознания, что подчеркивало зависимость реальности от субъективного восприятия. Напротив, представители прагматической школы (гунли-сюэпай) отвергали отвлеченные рассуждения о принципах и стремились к практическому использованию «И» для анализа изменений вещей, побуждая людей к реальному самоусовершенствованию.

В конце эпохи Мин и начале династии Цин мыслитель Ван Фучжи подверг глубокому критическому переосмыслению сунско-минское учение о Дао. Он утверждал, что субстанцией всего сущего является энергия ци, которая проявляется через действие и функцию (юн). В этой системе принцип (ли) всегда обусловлен ци и не существует независимо от него. Для Ван Фучжи вселенная выступала исключительно как совокупность материальных сущностей и явлений, а само Дао находится непосредственно в вещах. Причины изменений вещей содержатся в их внутренней диалектической природе, то есть в борьбе противоположностей, однако сам он не доводил идею противоречивости до абсолютного релятивизма. По мнению Ван Фучжи, вселенная находится в состоянии непрерывного изменения, и

задача человека заключается в изучении закономерностей перемен с целью содействовать им и через них постигать универсальные принципы. Он полагал, что добродетель «благородного человека» (цзюнь-цзы) не является врожденной сущностью или застывшей комбинацией добродетелей гуманности, справедливости, ритуала, мудрости и верности, а представляет собой динамическую систему, зависящую от таких факторов, как мудрость (чжи) и исторические условия («время» — ши). В отношениях с «простыми людьми» благородному человеку следует руководствоваться принципом гибкости, учитывая их стремление к материальной выгоде, использовать мягкость в качестве инструмента нравственного воздействия и устранять эмоциональные преграды на пути к гармонии⁷. «Благородный муж, обладая твердостью в своих принципах, внимателен к изменениям обстоятельств; он не стремится к незаслуженным милостям и не боится незаслуженных бедствий, свободно и умело действует в соответствии с переменами». Ван Фучжи решительно выступал против бездумного следования за внешними тенденциями и подчеркивал необходимость исследовать исторические изменения на протяжении тысячелетий, постигать неизменные закономерности сквозь изменчивость явлений. Таким образом, человек способен сохранить твердую опору и постоянство внутреннего мира даже в эпоху радикальных социальных потрясений, избегая участи беспринципной личности, полностью подчиненной случайностям и капризам судьбы. Подобная философская установка, с одной стороны, отражает характерное для традиционной китайской интеллектуальной элиты стремление сохранить духовное величие и внутреннюю стабильность перед лицом изменений, с другой — демонстрирует очевидную тенденцию к консервативности и идейному отставанию, поскольку провозглашаемая «неизменность» представляет собой не что иное, как идеализированную проекцию феодальной системы морально-правовых норм и ценностей.

Выводы

Можно констатировать, что изучение трактата «И цзин» на протяжении всей истории древнекитайской мысли представляло собой важнейшее направление интеллектуальной деятельности, принесшее богатые теоретические и практические результаты. Одни мыслители стремились постичь высшие закономерности мироздания, исследуя диалектику изменений энергий инь и ян. Другие — уделяли внимание применению этих знаний в практической плоскости, разъясняя нормы отношений между правителем и подданными, а также порядок общественного устройства.

⁷ Мэй Чжэньшэн. Анализ концепции благородного человека у Ван Фучжи // Цзяньхань лунтан. 2019. № 12. Mei, Zhensheng. Analysis of Wang Fuzhi's Concept of the Noble Man. Jianhan luntan. 2019. No. 12.

Третьи — напротив, использовали медитацию и созерцание в качестве средств достижения духовного идеала. Четвертые — помогали людям справляться с жизненными затруднениями, предсказывали будущее и давали конкретные рекомендации. Конфуцианские, даосские и буддийские ученые, занимаясь интерпретацией и комментированием «И цзин», сознательно или интуитивно перенимали идеи изменчивости и золотой середины, обращая особое внимание на человеческие дела и отражая в своих доктринах проблемы человеческого существования.

Как ключевой элемент традиционной китайской культуры, трактат «И цзин» предлагает живую философскую и методологическую основу, способную послужить ориентиром для современной теории международных отношений.

Во-первых, это принцип равновесия и гармонии, воплощенный в идее баланса инь и ян, который подразумевает взаимозависимость и симбиоз государств, культур и национальных интересов. Применительно к международным конфликтам это означает необходимость поиска наибольшего общего знаменателя, обеспечивающего взаимовыгодные результаты и устойчивый мир.

Во-вторых, принцип изменчивости и адаптации: «И цзин» напоминает, что мир пребывает в состоянии непрерывного изменения, а международные отношения не являются исключением. В условиях глобализации, сопровождающейся трансформацией международных структур, экономических систем и технологического развития, государства должны гибко адаптировать свои стратегии к постоянно меняющимся условиям.

В-третьих, предвидение и принятие решений: 64 гексаграммы «И цзин» символически отражают различные сценарии и исходы изменений, что позволяет политикам более глубоко анализировать текущую ситуацию, прогнозировать тенденции развития событий и принимать более дальновидные решения.

В-четвертых, диалектика сотрудничества и соперничества: в трактате присутствует как идея борьбы, например противостояние между позициями «девятой пятой» и «верхней девятой» линий, так и идея сотрудничества, например взаимодействие между «шестой второй» и «шестой третьей». Понимание и разумное использование этой диалектики в международной политике позволяет одновременно поощрять сотрудничество и при необходимости успешно конкурировать, защищая и продвигая национальные интересы.

В-пятых, нравственность и ответственность: «И цзин» проповедует путь благородного мужа, основанный на гуманности, честности и ответственности. В международном контексте это означает, что государства должны учитывать

общее благо человечества и нести соответствующую ответственность перед мировым сообществом.

В-шестых, системность и целостный подход: трактат демонстрирует важность рассмотрения явлений с позиции целого, а не изолированно. При решении международных проблем следует исходить из глобальной перспективы, учитывать взаимосвязь различных регионов и стран, а также балансировать краткосрочные и долгосрочные, локальные и глобальные интересы.

В целом, философия и методология «И цзин» представляют богатый интеллектуальный инструментарий для анализа и преодоления вызовов в сложной и изменчивой системе международных отношений, способствуя созданию более гармоничного, стабильного и устойчивого мирового порядка. Именно это позволяет лучше понять логику поведения Китая на международной арене: перед лицом беспрецедентных перемен за последние сто лет Китай смог предложить «три инициативы», исходя из осмысления исторических и современных трансформаций и сделав вывод о том, что лишь справедливость, умеренность и гармония способны привести человечество к миру и процветанию. Именно поэтому можно утверждать, что Китай является державой, приверженной миру.

Состав и структура русской культуры и мысли

Происхождение славянской культуры восходит к концу I — началу II века н. э., о чем свидетельствуют античные римские источники. Славяне проживали на обширных пространствах от Одера на западе до Днепра на востоке, от Карпат на юге до побережья Балтийского моря на севере. Первоначально славяне вели кочевой образ жизни, их общество развивалось медленно и до VI в. сохраняло черты родовой общины. В IV–VI вв. славянские племена начали формировать племенные союзы и постепенно разделились на три основные ветви: западных славян (поляки, чехи и др.), восточных славян (русские, украинцы и др.) и южных славян (болгары, сербы и др.).

Русская культура зародилась в IX–XIII вв. в период Киевской Руси, опиралась на славянский субстрат и впоследствии испытала влияние византийской, монгольской и западно-европейской культур, сформировав в итоге своеобразные ценности и традиции. В IX в. в Киевской Руси был принят славянский алфавит, созданный братьями Кириллом и Мефодием из Византии, что ускорило распространение письменности. В 988 г. великий князь Владимир принял христианство восточного обряда, положив конец языческим верованиям, содействуя феодализации общества и

способствуя культурной унификации. С проникновением православия византийская культура оказала глубокое влияние на русскую культуру в области религии, архитектуры, литературы и права. Византийский авторитаризм и мессианские идеи православия способствовали укреплению централизации. Князья Руси начали уделять внимание образованию, открывать школы, привлекать детей к обучению и создавать библиотеки. Развитие культуры и образования способствовало прогрессу знаний в сельском хозяйстве, астрономии, календаре и математике.

Монголо-татарское владычество, длившееся с 1237 по 1472 г., представляло собой два столетия непрерывной доминации. Монголы управляли Русью косвенно, назначая великого князя «всёя Руси и Владимира» ответственным за сбор дани, что позволяло русским княжествам в определенной мере сохранить автономию⁸. Подобная форма косвенного управления предопределила специфическое культурное восприятие монгольского завоевания русской интеллектуальной элитой, выразившееся в тенденции к завуалированному отрицанию факта завоевания. В последние десятилетия в историографии термин «татарское иго» всё чаще заменяется на «татарскую зависимость», что отражает постепенное признание объективно позитивного влияния монгольского господства на процесс формирования российской нации.

Русский язык в результате монгольского правления подвергся частичному заимствованию лексики, главным образом в военно-политической и бытовой сферах, однако это не оказало принципиального воздействия на его грамматическую и синтаксическую структуру. Русская литература продолжала развиваться в условиях инонационального доминирования, и ее ключевым мотивом стал патриотизм, способствовавший консолидации общерусской культурной идентичности. Православие как фундаментальный элемент русской культурной традиции не претерпело существенных изменений, что в значительной степени обеспечило ее преемственность и относительную автономию. Тем не менее следует признать, что период монгольского господства сопровождался культурным регрессом и существенным усилением деспотических тенденций в системе государственного управления. Примером этого является исчезновение городских вечевых институтов, существовавших ранее в Новгороде и других городах, что привело к невозможности сформировать полноценную городскую культуру по европейскому образцу. В целом русская культура в эпоху монгольского господства, сохранив свои первоначальные славянские традиции, частично восприняла элементы мон-

гольского влияния, сформировав таким образом уникальный феномен российской цивилизации.

С возвышением Московского княжества и последующим распадом Золотой Орды завершился период монгольского господства над русскими землями. В 1547 г. семнадцатилетний Иван IV, следуя византийскому церемониалу, принял царский титул, официально став «царем всея Руси». В период его правления территория России существенно расширилась в результате завоевания Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, а также присоединения Западной Сибири (1581). Таким образом были заложены основы царской России, однако жестокость правления Ивана IV наложила глубокий отпечаток на всю последующую историю страны. В течение длительного периода царского правления русская культурная жизнь характеризовалась культом аристократического быта, возвеличиванием власти и строгим соблюдением социальной иерархии.

Лишь реформы Петра I знаменовали собой кардинальное изменение культурного и цивилизационного пути России, ориентируя ее на активное заимствование западноевропейских научных и технических достижений. В страну были приглашены многочисленные иностранные специалисты, создана современная система профессионального образования, в частности учреждены горные и военные школы. Петр I ввел новый упрощенный гражданский шрифт, что значительно упростило печать и способствовало массовому распространению литературы. В его эпоху были созданы первый музей, первая публичная библиотека и первые публичные театры, оказавшие огромное влияние на развитие российской науки и культуры.

XVIII в. стал периодом глубокой трансформации русской культуры и переходом к ее зрелым формам. Возникло первое поколение выдающихся русских писателей и мыслителей, таких как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин и Н.М. Карамзин. Под влиянием французской классической литературы к середине XVIII в. в русской литературе доминировал классицизм с просветительскими идеями, а к концу столетия начали утверждаться сентиментализм и элементы реализма, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. В литературе в качестве объекта наблюдения стали выступать реальные общественные проблемы, повседневная жизнь простых людей и внутренний мир личности, отражающие пробуждение общественного самосознания русской интеллигенции.

XIX в. ознаменовался расцветом русской культуры, достигшей выдающихся успехов во всех ключевых областях

⁸ Хуан Цюди. «Монгольское завоевание» глазами средневековых русских интеллектуалов // Сибирские исследования. 2006. № 6. Huang, Qudi. "The Mongol Conquest" through the Eyes of Medieval Russian Intellectuals. Siberian Studies. 2006. No. 6.

интеллектуальной и художественной деятельности. В науке появились такие выдающиеся фигуры, как Д.И. Менделеев, создатель периодической системы элементов, И.П. Павлов, исследователь физиологии и условных рефлексов, Софья Ковалевская, выдающийся математик в области дифференциальных уравнений, Александр Попов, один из первопроходцев радиосвязи, Игорь Сикорский, создатель первых вертолетов. В музыкальной культуре ведущим мастером эпохи стал Петр Ильич Чайковский, в области изобразительного искусства наивысших достижений достиг реалист Илья Репин, а в философии — Николай Бердяев. Русская литература XIX в. вступила в свой Золотой век, заняв центральное место в мировой литературной традиции.

В области поэзии были созданы такие монументальные произведения, как «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, в прозе — выдающиеся произведения Н.В. Гоголя («Мертвые души»), И.С. Тургенева («Записки охотника»), Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») и Л.Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»). Эти произведения не только имели высокую художественную ценность, но и выразили сущность русской культурной традиции — глубокое внимание к фундаментальным вопросам человеческого существования, высокий нравственный идеализм, повышенное чувство социальной ответственности и трагическое восприятие мира, сформировавшие характерные для русской культуры утопические мотивы.

Период конца XIX — начала XX в. (примерно с 1890 по 1921 г.), последовавший за Золотым веком русской литературы эпохи Пушкина и его современников, получил название «Серебряный век». В поэзии выделились три главных направления — символизм, акмеизм и футуризм, представленные такими именами, как И.А. Бунин, А.А. Блок, А. Белый, В.Я. Брюсов, С. Есенин, А.А. Ахматова, З.Н. Гиппиус, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский и другими. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» стал признанным шедевром русской литературы XX в. Произведения авторов Серебряного века были посвящены глубокому философскому осмыслению жизни, смерти, любви, революции и искусства; в них проявлялась смелость экспериментирования как с формой, так и с содержанием, что оказало значительное влияние на формирование мировоззренческих ориентиров и эстетических тенденций последующих поколений. Однако данный культурный расцвет затронул не только литературу: живопись, музыка и иные виды искусства также переживали интенсивный подъем, сформировав один из наиболее ярких и значимых периодов в истории русской культуры.

После революции 1917 г. советская власть развернула широкомасштабную кампанию по ликвидации неграмотности, распространению научного мировоззрения и учреж-

дению многочисленных научно-исследовательских институтов, поставив научное образование в число важнейших государственных задач. Установление социалистической системы не только изменило направление, но и преобразило сам характер культурного развития страны — государственное регулирование и финансирование научных исследований способствовало ускорению научно-технического прогресса, хотя централизованное управление и отсутствие рыночных механизмов осложняли оперативное внедрение инноваций в повседневную жизнь. Несмотря на указанные трудности, Советский Союз занял лидирующие позиции в математике, физике, авиационно-космических технологиях, добился выдающихся достижений в литературе, искусстве и спорте.

В 1957 г. СССР осуществил запуск первого в мире искусственного спутника Земли, открыв новую эпоху в освоении космического пространства. Советские автоматические аппараты серии «Луна» первыми осуществили важнейшие прорывы в исследовании Луны: «Луна-1» стала первым искусственным объектом, покинувшим земное притяжение, «Луна-2» впервые осуществила жесткую посадку на лунную поверхность, «Луна-3» впервые сделала фотографии обратной стороны Луны, а «Луна-16» совершила автоматический забор и доставку на Землю образцов лунного грунта. 19 апреля 1971 г. был запущен первый в мире орбитальный комплекс «Салют-1», открывший путь к длительному пребыванию человека в космосе и проведению научных экспериментов. СССР отправлял автоматические станции также к Марсу, Венере и комете Галлея, заложив фундамент глобальных космических исследований.

Советская литература оказала существенное влияние на мировую культуру: такие произведения, как «Тихий Дон», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Доктор Живаго», вошли в мировой литературный канон благодаря выдающимся художественным достоинствам и социальной значимости. Советская литература унаследовала от русской классической традиции глубокий интерес к человеческому достоинству и общественной ответственности; реализм и гуманизм в ней выступали в органичном единстве, ориентируясь на выявление социальных противоречий и поиск путей их преодоления. Отличительными особенностями советской литературы стали выраженный патриотизм, героический пафос и уверенный оптимистический взгляд на жизнь, пронизанные энергией преобразования и вдохновляющие поколения на построение лучшего будущего.

После распада СССР культурная жизнь современной России характеризуется тенденцией к множественности и внутренней противоречивости. В условиях возрождения националистических и патриотических настроений наблюдается активное возрождение православия: религиоз-

ные обряды, церковная музыка и архитектура получают государственную поддержку и развитие, что способствует сохранению и преемственности славянских традиций и укреплению национальной идентичности. Одновременно быстрое распространение получает массовая культура — популярная музыка, кинематограф, телевидение и массовая литература, ориентированные преимущественно на развлечения и коммерческую выгоду, что сопровождается явными признаками культурного упрощения и снижения интеллектуальной планки общества. Западно-капиталистическая модель и соответствующие ей институты находят в России многочисленных сторонников, в результате чего потребление и культ денег формируют повышенную социальную напряженность.

Заметное влияние приобрело евразийское направление, которое получило официальное признание и оказывает ощутимое воздействие на внешнюю политику и стратегическое позиционирование России в современном мире. В российской культуре сегодня переплетаются традиция и модерн, мудрость и невежество, умеренность и вседозволенность, стремление к свободе и склонность к авторитаризму. Таким образом, культура России отражает сложную динамику противостояния и взаимодействия различных идеологических и ценностных ориентиров, объединяя попытки ответить на вопросы национальной идентичности («кто мы?») и поиски путей дальнейшего общественного развития («что делать?»).

В литературе выделяется «новый реализм», представленный такими писателями, как Людмила Улицкая[▼] и Юрий Поляков, продолжающий традицию русской реалистической прозы и направляющий внимание на социальные проблемы и судьбы отдельных личностей. Наряду с этим постмодернистская литература, представленная Владимиром Сорокиным[▼] и Виктором Пелевиным, известна своими радикальными вызовами традиционным нарративам и экспериментальными формами отражения действительности. Массовые авторы, такие как Борис Акунин[▼] и Дарья Донцова, обладают значительной аудиторией читателей, а писательницы вроде Татьяны Толстой сосредоточивают свое внимание на исследовании судьбы современной российской женщины. Вместе с тем глобальное снижение интереса к литературе ведет к ослаблению международного влияния русской литературы по сравнению с советским периодом.

Современные российские философы Александр Зиновьев, А.В. Смирнов и Александр Дугин получили определенное международное признание, однако их идеи в самой России часто вызывают серьезные дискуссии и острые споры.

В XXI в. Россия добилась значительных успехов в области фундаментальной и прикладной науки: созданы тяжелые ракеты-носители, плавучие атомные электростанции, космические обсерватории, разработаны инновационные технологии производства аммиака и методы лечения онкологических заболеваний. Особенно заметным стало открытие солнечных нейтрино, представляющее собой прорыв в области физики элементарных частиц и подтверждающее высокую научно-техническую компетентность современной России.

Сравнение культур двух стран и выбор пути развития

Китайская и российская культуры характеризуются собственными уникальными особенностями, однако в то же время обнаруживают и определенные общие черты. Китайская цивилизация исторически основывается на конфуцианстве, даосизме и буддизме, на протяжении тысячелетий формируя устойчивую и оригинальную культурную систему. С начала Нового времени процесс «проникновения западных знаний на Восток», движение за новую культуру, распространение марксизма и социалистических идей, а также политика реформ и открытости способствовали всестороннему усвоению внешних влияний, что обеспечило способность китайской цивилизации к сохранению собственной идентичности и обновлению посредством интеграции.

Российская культура, хотя и сформировалась позднее китайской, в ходе своего развития также активно впитывала различные культурные влияния, органично сочетая элементы Востока и Запада. В силу глубокой исторической преемственности и традиционного уважения к сложившимся культурным формам культурные изменения в Китае обычно отличаются постепенностью и плавностью, тогда как для российского культурного развития характерны явные разрывы и стремительные, скачкообразные трансформации⁹. В культурных традициях обоих народов преобладают коллективистские и патриотические установки, в то время как индивидуализм и либеральные ценности воспринимаются с известной осторожностью. Российская и китайская культуры демонстрируют также явную склонность к уважению авторитетной личности и строгому соблюдению общественного порядка. Вместе с тем с распространением современных политических и философских идей эти традиционные установки постепенно претерпевают изменения, становясь более гибкими и многообразными.

[▼] Внесены Министерством юстиции РФ в единый реестр «иностранных агентов».

⁹ Ма Фэншу. Китайско-российские отношения в сравнительном культурном контексте // Дипломатические комментарии. 2008. (2). С. 32–41. Ma, Fengshu. Sino-Russian Relations in a Comparative Cultural Context. *Diplomatic Commentary*. 2008. (2). Pp. 32–41.

Модели государственного развития Древнего Китая характеризовались значительным разнообразием и сложностью. В зависимости от исторических периодов и географических условий их условно можно разделить на несколько типов: централизованная земледельческая модель Срединной равнины, рисоводческая автономная модель южных регионов, кочевая военно-административная модель степных территорий, а также смешанная кочевоземледельческая модель горных областей. В целом методы ведения сельского хозяйства в Китае эволюционировали от подсечно-огневого земледелия к пахоте железным плугом с использованием упряжной силы, что способствовало формированию мелкотоварного семейного хозяйства как базовой единицы производства и быта. Тщательное возделывание земли стало основной характеристикой китайского земледелия, а в период Мин и Цин сельское хозяйство достигло наивысшего уровня развития. Особое внимание к созданию транспортной инфраструктуры и городских узлов является другой отличительной чертой китайского общества. Правитель Чжоу У заложил так называемую «дорогу Чжоу», государства периода Восточного Чжоу активно строили канатные переправы; после объединения Китая император Цинь Шихуан приказал унифицировать ширину колеи. В эпоху Хань возник Великий Шелковый путь; город Чанъань эпохи Суй и Тан стал ключевым транспортным узлом; в период Сун и Юань была введена четкая планировка городских кварталов; при династиях Юань и Мин была сформирована дорожная сеть с центром в Пекине; наконец, в период Мин и Цин существовала разветвленная система государственных дорог, делившаяся на магистральные и второстепенные пути — всё это стало важнейшими вехами в развитии транспортной системы Китая.

В политической сфере Древний Китай высоко ценил такие принципы, как «народ — основа государства», идею единства страны, сочетание нравственного управления с юридической нормой, баланс централизации и региональной автономии, механизм подбора кадров по личным достоинствам, а также политику учета местных обычаев. Эти принципы по сей день представляют собой ценный опыт государственного управления. Особо следует подчеркнуть, что управленческая система Древнего Китая уделяла внимание своевременному реформированию институтов в ответ на меняющиеся условия, что остается актуальным для совершенствования современного государственного управления.

Создание социалистического строя стало эпохальным переломом в истории китайского общества, приведя к коренному изменению пути развития и управленческой модели. Тем не менее культурное ядро китайской цивилизации — доктрина «срединного пути», акцент на человеческих

отношениях, приоритет гармонии, стратегическое мышление, уважение к исторической преемственности и целостное восприятие реальности — в значительной степени сформировало мировоззрение, ценностные установки и поведенческие модели китайского народа. Это оказывает влияние на процессы принятия решений, характер социальных взаимодействий и образ жизни, придавая современной государственной системе управления культурную специфику.

Социализм с китайской спецификой основывается на наследовании и развитии выдающихся традиций китайской культуры и последовательном продвижении марксизма в условиях Китая и современной эпохи, что позволяет добиваться значительных достижений и способствует модернизации государственной управленческой системы и повышению ее эффективности. Понятие «китайская модель» по существу обозначает экономический и социальный путь, сложившийся в результате длительного развития после основания новой Китайской Народной Республики. Данная модель соответствует объективным условиям страны и обладает четко выраженными институциональными характеристиками. Она отличается как от советского социалистического образца, так и от современной западной капиталистической системы. Основными чертами данной модели являются приверженность социалистическому строю, сочетание государственного регулирования с рыночными механизмами, а в новую эпоху — стратегия двойного обращения, внутреннего и внешнего, и активное развитие новых производительных сил. Успех «китайской модели» демонстрирует превосходство социалистического строя и подтверждает жизнеспособность научного социализма.

Историческое развитие России характеризовалось сложным и нелинейным процессом. Московское княжество, воспользовавшись благоприятными географическими условиями и эффективной системой сбора дани, установленной во времена Золотой Орды, смогло накопить значительные финансовые ресурсы, что создало предпосылки для расширения территориального и политического влияния. В дальнейшем московские великие князья с помощью завоеваний и династических браков систематически увеличивали территории княжества и усиливали свою власть. Московское государство проявляло высокую дипломатическую гибкость, заключая союзы с соседними государствами, в частности с Крымским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой, направленные против Великого княжества Литовского и Золотой Орды. Одновременно активно развивались дипломатические и торговые отношения с европейскими государствами — Священной Римской империей, Венгрией и Испанией, а также торговые связи со странами Скандинавии и Ганзейским союзом. Эти дипломатические меры способствовали укреплению внешней безопасности и формиро-

ванию благоприятных условий для экономического роста. В XVII в., в период правления династии Романовых, Россия вступила в стадию ускоренного развития.

К XVIII в., особенно при Петре I, Российская империя превратилась в одну из ведущих европейских держав. Последующие реформы Екатерины II, являясь проявлением политики просвещенного абсолютизма, обеспечили значительные успехи в области государственного управления, экономики, культуры, военного дела и внешней политики. Однако, поскольку оба монарха придерживались ярко выраженной западнической ориентации, их реформаторская деятельность неизбежно сталкивалась с сопротивлением консервативных общественных сил, что приводило к возникновению встречных тенденций, подчеркивавших особую славянскую идентичность. В российской истории традиционно существовало интеллектуальное противостояние между западниками, стремившимися к интеграции России в современную европейскую систему, и славянофилами, выступавшими за сохранение национальных традиций и социальной общности. Впоследствии сформировалось евразийское направление, которое подчеркивало возможность создания уникальной «евразийской цивилизации» путем синтеза лучших элементов различных культур, стремясь определить Россию как самостоятельный центр глобального развития¹⁰. Евразийская интеллектуальная традиция, первоначально сформировавшаяся в 1920-х годах в среде русской эмиграции, длительное время оставалась в тени и вновь привлекла к себе активное внимание лишь после 1990-х годов. Хотя евразийство не стало доминирующим направлением, оно оказало значительное воздействие на формирование современной внешнеполитической доктрины России.

Советская модель развития отличалась ускоренной индустриализацией и жесткой политической централизацией на основе планового хозяйства и административно-командного управления. СССР стремился создать самостоятельную хозяйственную систему, опираясь преимущественно на собственные ресурсы и сотрудничество с социалистическими странами. Эффективность этой модели оказалась впечатляющей: Советский Союз в короткие сроки стал ведущей державой Европы и второй державой мира, что не имело precedентов в российской истории. Однако советская модель имела существенные изъяны, такие как структурные диспропорции экономики, бюрократизация государственного аппарата и недостаток общественной инициативы. После распада СССР Россия пережила болезненный этап трансформации — рыночные реформы и перестройка политической системы потребовали огром-

ных усилий и серьезных жертв как от государства, так и от общества.

В XXI в. под руководством Владимира Путина Россия предприняла попытку восстановления статуса великой державы; в течение определенного времени российская экономика демонстрировала стремительный рост, однако впоследствии столкнулась с финансово-экономическими кризисами и последствиями пандемии COVID-19, вступив в фазу нестабильности.

В области международных отношений новая «Концепция внешней политики Российской Федерации» делает акцент на идее многополярного мира, отражая стремление России проводить независимую многовекторную дипломатию и выступать в роли самостоятельного центра силы на мировой арене. В условиях введения западных санкций Россия активно применяет контрмеры, включая переход на расчеты в национальных валютах, курс на Восток и политику импортозамещения, стремясь выйти за пределы западной экономической модели. Дальнейшее развитие России будет обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов.

Заключение

Из проведенного анализа следует, что, несмотря на установление всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией, различия в культурных установках и национальном менталитете привели к различиям в путях и моделях их развития. Начиная с 2008 г., на фоне глобального финансового кризиса мировая экономика испытывает продолжительный спад; пандемия COVID-19 и российско-украинский конфликт дополнительно усугубили эту тенденцию. Тем не менее в этих условиях экономика Китая вновь перешла на траекторию ускоренного роста, что значительно повысило авторитетность китайской модели.

В России развернулась дискуссия вокруг китайского пути модернизации: сторонники подчеркивают необходимость активного изучения китайского опыта, особенно после начала российско-украинского конфликта, считая, что стратегическое сотрудничество России и Китая сыграет ключевую роль в формировании нового международного порядка и укреплении многополярности. Противники же утверждают, что китайская модель неприемлема для России, подходит преимущественно для развивающихся государств или культурной среды, находящейся под сильным влиянием конфуцианства, и выражают опасения, что заимствование китайского опыта может привести к превращению России в «вассала Китая». Часть авторов занимает выжидательную

¹⁰ Оуян Сянхун, Фан Сяохуэй. Самоосознание и стратегия развития: анализ современного состояния и причин препятствий для сопряжения китайской инициативы «Пояс» и российской «Союз» // Международный экономический обзор. 2020. № 3.
Ouyang, Xiangying, Fang, Xiaohui. Self-awareness and development strategy: analysis of the current state and causes of obstacles to the alignment of China's Belt Initiative and Russia's Union Initiative. *International Economic Review*. 2020. No. 3.

позицию, подчеркивая, что Китай не является безусловным противником США, а применение китайской модели в российских условиях будет весьма ограниченным, и полагая, что только интеграция бывших советских республик способна обеспечить формирование самостоятельного полюса силы.

Литература

1. (Тан) Ли Динцзо. Чжоуи цзиньдэ, Издательство Чунхуа, 2024.
2. (Южная Сун) Чжу Си. Чжоуи бэньи. Шанхайское издательство древних текстов, 1987.
3. Пань Чжунвэй. Исследование Чжоуи чжэньи. Издательство Шанью, 2021.
4. Ляо Миньчуан, Кан Сюэцзй, Лян Вэйсюань. История исследований «Книги перемен». Хунаньское издательство, 1991.
5. Тань Дэгуи. Чжоуи в многостороннем культурном поле — исследование традиции китайской культуры «И». Издательство Ци Лу, 2005.
6. Лю Юйпин. Мудрость «Чжоуи». Издательство «Шэньхуо Душу Синьчжи» Санлиан, 2018.
7. Чжан Тао. Исследование культуры «Чжоуи» (Т. 4). Издательство социально-научной литературы, 2012.
8. Жу Дачжоу. Сравнительное изучение китайской и русской культуры. Анхойское образовательное издательство, 2009.
9. Му Чунхуай. Сравнительное исследование интерпретаций китайских и русских культурных образов. Ляонинское национальное издательство, 2007.
10. Чжан Бин. Разбор русской культуры. Цзинаньское издательство, 2006.
11. Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен»: Опыт филологического исследования и перевода. М.: Тип. Акад. наук СССР, 1937.
12. Ефименко М.В. Обобщающий труд по древней истории Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 10.
13. Зинин С.В. «И цзин» как памятник китайской литературы // Петербургское востоковедение: сборник. В 3 т. СПб., 1993.
14. Белоглазов Г.П. (отв. ред.) Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей. Владивосток: Дальнаука, 2011.
15. Wilhelm H. Change: Eight Lectures on the I Ching. N. Y., 1960.

В сравнении с двусторонними форматами такие многосторонние площадки, как ШОС и БРИКС, обладают большей способностью учитывать различные позиции участников; следовательно, в новой эпохе внешние рамки китайско-российского стратегического взаимодействия требуют дальнейшего расширения.

References

1. (Tang) Li, Dingzuo. Zhouyi jinjie, Chonghua Publishing House, 2024.
2. (Southern Song) Zhu, Xi. Zhouyi bengyi. Shanghai Ancient Texts Publishing House, 1987.
3. Pan, Zhongwei. A Study of Zhouyi zhengyi. Shanyou Publishing House, 2021.
4. Liao Minchuan, Kang Xiuwei, and Liang Weixuan. A History of Research on the Book of Changes. Hunan Publishing House, 1991.
5. Tan, Degui. Zhouyi in the Multifaceted Cultural Field: A Study of the Chinese Yi Cultural Tradition. Qi Lu Publishing House, 2005.
6. Liu, Yuping. The Wisdom of Zhouyi. Shenhua Dushu Xinzhi Publishing House, Sanlian, 2018.
7. Zhang, Tao. Research on the Culture of Zhouyi (Vol. 4). Social Science Literature Publishing House, 2012.
8. Zhu, Dazhou. Comparative Study of Chinese and Russian Culture. Anhui Educational Publishing House, 2009.
9. Mu, Chunhui. Comparative Study of Interpretations of Chinese and Russian Cultural Images. Liaoning National Publishing House, 2007.
10. Zhang, Bing. Analysis of Russian Culture. Jinan Publishing House, 2006.
11. Shutsky, Yu.K. The Chinese Classic "Book of Changes": An Experience of Philological Research and Translation. Moscow: Typography of Academy of Sciences of the USSR, 1937.
12. Efimenko, M.V. "A Generalizing Work on the Ancient History of China". Vestnik of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2021. Vol. 20. No. 10.
13. Zinin, S.V. "The I Ching" as a Monument of Chinese Literature. In: St. Petersburg Oriental Studies: Collection. In 3 vols. St. Petersburg, 1993.
14. Beloglazov, G.P. (ed.) Problems of the History of China and International Relations in the Works of Chinese Researchers. Vladivostok: Dalnauka, 2011.
15. Wilhelm, H. Change: Eight Lectures on the I Ching. New York, 1960.